

УДК 316.4.063.3

СЕРГЕЙ МАКЕЕВ,

доктор социологических наук, заведующий
отделом социальных структур Института
социологии НАН Украины

Дифференциация солидарностей в экстраординарных обстоятельствах 2013–2015 годов в Украине

Аннотация

Новые технологии коммуникации, индивидуализация повседневных социально-культурных потребительских практик ослабляют чувства общности между людьми, те зависимости как материального, так и невещественного рода, которые принято именовать солидарностями. В мировой социологической литературе все чаще говорят о завершении эпохи “великих нарративов солидарности” и наступлении периода, когда доминантными становятся ситуативные и необязывающие солидарности. Но в кризисном, вследствие событий 2013–2015 годов, украинском социуме ситуация с солидарностями не столь однозначна. Здесь наряду с ситуативными витализуются устойчивые солидарности, связанные с представлениями о том, кто такие “мы” и какими “мы” хотим быть. В статье осуществлен обзор классических и современных работ, в которых интерпретируется феномен солидарности. Выделены конститутивные элементы солидарности: три временных измерения (прошлое, настоящее, будущее), оценки и отношение к событиям, состоявшимся и возможным в ближайшей перспективе, самооценка эмоционального состояния, действия (в том числе альтруистические) в ответ на события. На данных репрезентативного опроса 2015 года, проведенного Институтом социологии НАН Украины, с использованием метода анализа соответствий выделены и описаны региональные типы солидарности.

Ключевые слова: солидарность, кризис, регион, события, прошлое, настоящее, будущее, альтруизм

Тематика практически всех конгрессов Международной социологической ассоциации (ISA) и Европейской социологической ассоциации (ESA) в XXI веке на удивление постоянна: неопределенность, кризисы, насилие, турбулентности, неравенство. Мир людей обрел некое новое состояние, ме-

таморфоза которого под действием глобальных и локальных сил и тенденций предсказуема в одном, пожалуй, отношении: риски множатся, повседневность становится все менее безопасной и все более неблагоприятной. В социологический трюизм превратились утверждения о невиданном прежде усложнении обществ, которое затрудняет проведение диагностических и аналитических работ, претендующих на понимание и объяснение мотивов и действий людей, социальных категорий и групп, организаций, институтов. Современность, в ускоренном ритме оснащаясь новыми технологиями и вещами, корректирует стили потребления, труда, участия в общих делах и, фактически, постулирует недолговечность или даже необязательность устойчивых контактов между людьми.

Индивидуализация, о которой столь страстно и для многих убедительно писал и говорил З.Бауман, заметно ослабляет чувство общности между людьми, те зависимости как материального, так и невещественного рода, которые и в ненаучном обиходе именуют солидарностями. И тогда вполне уместно говорить о новой эмоциональности ироничного наблюдателя в постгуманитарную эпоху, когда сочувствие и помощь не вблизи находящимся другим оказываются актом не столько человеколюбия, сколько самоопределения и когда “великие нарративы солидарности” оставлены в прошлом, а солидарность становится проблемой *on line* и повседневной коммуникации [Chouliaraki, 2013: p. 1–2]. Недавняя книга о “конце солидарности” принадлежит к тому же тренду воспринимать и описывать современную ситуацию [Pensky, 2008]. Солидарность трактуется в ней как проблема, финальному решению не поддающаяся, но все еще конститутивная для социальной теории, цель которой заключается в демонстрации того, каким образом институтам и организациям в текущем мире удастся (или не удастся) интегрировать в общество и сплачивать все новых членов. Иначе говоря, новым реалиям совместной жизни должно быть приведено в соответствие новое понимание солидарности и предъявлены ее новые эмпирические типы.

Интерес к проблематике солидарности постепенно возрастает с 80-х годов прошлого века. Причины этого (как представляется, преимущественно социологического свойства) связаны с формированием новых концептуальных подходов к изучению общества и поведения индивидов и, в не меньшей мере, с эволюцией методик, позволяющих систематически наблюдать за ценностными ориентациями и аффективными состояниями индивидов и групп. Активность исследователей инспирирована и обстоятельствами глобального порядка: стремительной интернационализацией экономики, утверждением нового политического порядка в Европе, а в первые десятилетия нового века терроризмом (вооруженным насилием) и миллионными потоками беженцев в Старом и Новом Свете из охваченных войнами стран. В общем, метаморфоза солидарностей заметно интенсифицировалась, в ответ на значимые события спонтанно или спланированно конструируются ситуативные солидарности. Оттого наряду с фигурой ироничного наблюдателя появились и стали действовать более радикально настроенные наблюдатели, приверженцы специфических представлений о сострадании, долге, справедливости, обязанностях или же вовсе без таких представлений.

На наш запрос в декабре 2015 года на сайте издательства “SAGE” о журнальных статьях, в названии которых встречается слово “солидарность”, было получено 42340 ссылок. Те, кто настаивает если не на ключевой, то на

особенной роли солидарности в науках об обществе и человеке, скорее всего, правы. О солидарности пишут те, кто изучает проблемы конфликтов, туризма, медиа, спорта, здравоохранения, менеджмента в отраслях экономики и организациях, обучения в различных типах учебных заведений. В предмете, обозначаемом как солидарность, экономисты, юристы, филологи, философы, политологи, психологи находят нечто относящееся к сфере их компетентности и значимое для понимания своеобразности поведения людей и групп в тех или иных обстоятельствах. Солидарность принадлежит к трансдисциплинарным понятиям, потому ни одна наука не вправе претендовать на ее наиболее полное или самое верное истолкование. У социологии, вероятно, лишь чуть больше преимуществ.

Вариации от социологии

Лучшим знатоком истории слова и концепта солидарность в конце прошлого века являлся А.Вайлдит [Wildt, 1999: p. 209–222]. Его цитируют [Laitinen, 2014: с. 6], в обычай вошло повторять приводимые им аргументы, которые вкратце таковы. Он относит к середине XIX века начало формирования современного содержания концепта. До этого бытовала финансово-правовая интерпретация: в римском праве концепт означал ответственность за финансовые обязательства и в таком значении присутствует во французской Энциклопедии (1765) и бонапартовском Гражданском кодексе (1804). “Призрак солидарности” угадывается в общеизвестном лозунге Французской революции, и впоследствии социально-философские тексты, посвященные солидарности, не обходятся без упоминания, по отдельности или вместе, “свободы, равенства, братства”. Слово отсутствует в опубликованных работах Гегеля, и только недавно его обнаружили в подготовительных рукописях к лекциям по философии права, где ему придавалось моральное значение — не внешне навязываемый долг, но внутреннее чувство, побуждающее помогать всем тем, кто в этом нуждается.

Политические коннотации впервые вводит П.Леру (ему приписывают еще и авторство слова “социализм”). В кругу А.Сен-Симона, к которому он принадлежал ранее, и сам глава и многие последователи в свое время сидели в тюрьме, преследовались полицией и терпели нужду; там сострадание к обездоленным было моральным долгом, но мечтать полагалось о солидарности как состоянии совместной жизни всех жителей Земли. В книге “Человечество, его принципы, его будущее” (1840) солидарность трактуется им как некая гражданская религия: то, что объединяет людей в транснациональную общность. Новая вокабула быстро утверждается в немецком и английском языках, распространяется в публичной сфере. А.Вайлдит полагает, что представление о мирской сплоченности живущих вместе присутствует в работе Л.Фейербаха “Сущность христианства” (1841) и парижских рукописях К.Маркса (1844). Слово постоянно звучит в политической риторике охваченной революциями Европе — кто против кого и с кем. В научном же дискурсе его размещает О.Конт, используя “термин для того, чтобы указать на социальные и экономические взаимозависимости — подобно либеральным экономистам — не теряя из виду универсально-моральное и аффективное измерение концепта” (см.: [Wildt, 1999: p. 214]). Д.Добжански, ориенти-

руясь на иные специализированные работы, пересказывает похожую, но более детализированную историю [Dobrzanski, 2011: p. 7–22].

Истоки эволюции понятия, идентифицированные в современных публикациях, насыщены философскими и политическими коннотациями, но социологические едва угадываются. Между тем они представлены уже в трудах, обосновывающих условия возможности социологии как науки. Согласно О.Конт, реконструкция взглядов которого представлена в обстоятельной трехтомной биографии философа, которую публикует М.Пикеринг [Pickering, 1993–2009], социальная гармония в государстве и человечестве в целом достижима при интеллектуальном консенсусе и эмоциональной солидарности, непритворной симпатии: чувство солидарности, как он убежден, доминирует над рациональными аргументами. Солидарная жизнь, кроме того, невозможна без альтруизма — установка и практика, с тех пор ставшие обязательными в социологической интерпретации сплоченности групп и обществ.

В его утопии (четвертый том “Системы позитивной политики” (1854) открывается главой о будущем человечества) представлены несколько необходимых институциональных механизмов, обеспечивающих надежную репродукцию коллективной солидарности, основанную на связи прошлого с будущим, аффективного и рационального [Comte, 1854]. Во-первых, строго рациональная доктрина, научные знания о мире. Во-вторых, верховенство морали, достигаемое соответствующим воспитанием в семье и школе, когда с помощью системы ценностей культивируется “инстинктивный альтруизм”, естественно-дружелюбная ориентация на другого. Конт составляет список из 150 книг для обязательного чтения: 30 — поэзия и проза (от Гомера до Гёте); 30 — по различным наукам; 60 — по истории; 30 — “синтетических”: от “Политики” Аристотеля, Библии, Корана и “Града Божия” Августина Блаженного до своих работ о системе позитивной политики. В-третьих, система индивидуальных (три молитвы в день), семейных (от рождения до смерти через все значимые события жизни) обрядов и ритуалов, а также общественных, каждый месяц, в виде многотысячных манифестаций и фестивалей, орнаментированных визуальными символами солидарности (флаги, портреты, бюсты), что способствует сплоченности всех основных фракций человечества. Другими словами, в Контской утопии торжествующего социального позитивизма индивидам предписано постоянно упражняться в социальности, поддерживая чувство общности родственного или семейного свойства (“братство”), распространяющегося на всех незнакомых и пребывающих в отдалении.

В-четвертых, эту же функцию поддерживает Позитивистская Церковь, хранительница наследия цивилизации. Она практикует культ мертвых, преемственность в мыслях, в подвижничестве, в служении (историческая память), наглядно репрезентированный в позитивистском Календаре — “системе поминовения”. Лично составленный О.Контм перечень славных имен на каждый день привносит прошлое в настоящее, утверждая их неразрывную связь в личном опыте каждого и принадлежность к предельно большой общности, к человечеству в целом; преемственность философ, сдается, чтит даже больше солидарности. Позитивистская Церковь отправляет и Культ женщины — матери, жены, дочери, трех ангелов-хранителей каждого в отдельности и человечества в целом. Таков институционализированный механизм импринтинга трех типов индивидуализированной поведенческой

солидарности (повиновение, союз, защита) и трех альтруистических инстинктов — благоговение (почитание), привязанность, великодушные (доброта) [Конт, 2012: с. 143–200].

Контовская воображаемая солидарность универсальна, предназначена для человечества в целом, наслаиваясь поверх индивидуальных, профессиональных, национальных и прочих различий. Она уже современниками была стигматизирована в качестве не подлежащей обсуждению фантазии, а “Система позитивной политики” многие годы не переиздается, и сейчас доступ к четырем томам ограничен. Тем не менее, несложно усмотреть резон в вопросе, который фактически беспокоил О.Конта: “Как возможна солидарность в обществе неравных?” Смысл так и остается в вопрошании, отгадка же неверна: предлагаются неосуществимая социальная механика и плохо приживляемые к реалиям взаимодействий между людьми моральные принципы. Впрочем, современные общества остаются неравными и все еще нуждаются в сплоченности: за убедительным ответом к О.Конту обращаться не стоит, но заданный им вопрос и кое-что в представленных соображениях, скорее всего, остаются верными.

Значение ритуальных практик в поддержании сплоченности жизни сообществ давно признано, хотя отсылки к Контовым глобальным социальным построениям практически отсутствуют. В коллективной монографии под редакцией П.Дорейна и Т.Фараро [The Problem of Solidarity, 1998] Р.Коллинз, которого наряду с Т.Парсонсом и Дж.Хомансом главы творческого коллектива причисляют к фундаментам американской традиции исследования интегрированности обществ и групп, публикует раздел о моделировании интеракционистской теории ритуала солидарности [Collins, 1998: p. 213–238]. В высоко оцененной коллегами в Великобритании книге Л.Чулнараки, которая исходит из положений относительно давнего исследования Р.Рорти о случайности, иронии и солидарности, солидарность производна от воззваний, апеллирующих к чувству сострадания и к действию (“Стоп ВИЧ/СПИД”, например). Сочувствие к далеким незнакомцам формируется и на основе новых технологий коммуникации: эксплуатация популярности (celebrity, известные актеры становятся лицом движений во имя гуманных целей); рок-концерты в поддержку социальных движений или отдельных людей; телевизионные новости, производимые театрализованной журналистикой свидетельств и доказательств. Но шоу-бизнес продуцирует специфические солидарности — самопрезентационные, прагматичные, индивидуализированные. Ирония, в смысле, придаваемом ей Р.Рорти, состоит в том, что призывы к солидарности, в отличие от сен-симонистов и более близких по времени примеров, идут от преуспевающих и сверхбогатых [Chouliaraki, 2013: p. 54–171] (см. также: [Rosati, 2009]).

Романтическому призраку солидарности социалистов-утопистов марксизм противопоставляет призрак коммунизма — грезы о реализовавшем равенство человечестве пролетариев. Реалистичность призрака проистекает будто бы из трезвого анализа реалий исключения больших масс населения из доступа к производимым благам, открывающего неумолимые законы исторической динамики. К.Маркс и Ф.Энгельс уже в “Манифесте коммунистической партии” (1848) предложили концепцию перехода к более справедливому социальному состоянию посредством насильственного солидарного действия на основе общности классового положения и ясного классового

сознания. И действие и сознание складываются в процессе и в неокончательных исходах длящегося конфликта антагонистического типа: непримиримое противостояние сплачивает накрепко (“мы” и “они”) и не предполагает уступчивости какой-либо из сторон.

Жизнь в сообществах всегда сопровождалась исключением тех или иных категорий населения из процессов производства и распределения (разновидность неравенства), но также и столкновениями за право быть вовлеченными в них с определенными правами и обязанностями. В марксизме, если говорить об этом в современных терминах, впервые рассмотрены предпосылки и условия воспроизводства ситуации эксклюзии общностей из жизненно важных сфер совместного существования. Одновременно предлагался и радикальный способ инклюзии самой большой на то время категории экономически активного населения. С тех пор асимметрии эксклюзии и инклюзии стали индикаторами неравенства совместной жизни, а идентификация его новых форм — одной из задач социальных наук.

Конфликтная парадигма репродукции солидарности традиционно имеет сторонников как среди теоретиков, так и в среде ориентированных на количественные обследования социологов. Чаще других упоминается А. Хоннет, автор теории признания в рамках критической философии. Некоторые интерпретаторы утверждают, что признание придает солидарности “неисключающее” измерение [Jool, 2010: p. 254]. Сосуществование отличающихся многими признаками индивидов, сплачивающихся в группы и организации, отнюдь не является мирным, в нем значительное пространство отведено непрерывной борьбе за позитивную оценку их достоинств и уважительное отношение со стороны, причем солидарностью сам автор теории называет признание способностей индивида конститутивными для группы [Honnet, 2007: p. 139]. Но крепкие и плохо сотрудничающие с альтернативами солидарности, согласно более решительной точке зрения, складываются в ходе явных или латентных практик насилия на разных уровнях организации общества, являясь и их следствием и предпосылкой [Malešević, 2015], а конфликты создают сильные солидарности, которые, в свой черед, провоцируют конфликты [Collins, 2012].

Через полвека после формирования политического смысла концепта “солидарность” Э. Дюркгейм возводит его, наряду с общественным разделением труда и социальной структурой, в статус главного понятия макросоциологии. Трансформация традиционного общества в модерное движима углубляющимся разделением труда в экономике, доминантной сфере современной жизни. Ему сопутствует переход от сегментированной социальной структуры к организованной, от механической солидарности к органической. Небезупречность различения двух типов солидарности, неоднократно предъявлявшаяся в литературе (см., напр.: [Mackert, 2004]), компенсируется, как полагает П. Тийссен, привлечением интерпретационного потенциала теории признания и отказом от противопоставления механической солидарности органической, представлением обеих в виде интернализованных универсалистских принципов и партикулярных эмоциональных ориентаций [Thijssen, 2012].

Солидарность мыслится классиком скорее как ценность, идеальный образец социализированного действия, задержавшийся или чем-то прочно удерживаемый в горизонте возможного, но не как определенное состояние

общества, она остается утопией в той же мере, что и построения О.Конта, К.Маркса и Ф.Энгельса. Актуальную же ситуацию Э.Дюркгейм определяет как правовую и нравственную аномию: коллективные представления, вырабатываемые общностями и регламентирующие индивидуальное и групповое поведение, не поспевают за прогрессом разделения труда, они лишь отчасти адекватны постоянно обновляющимся зависимостям в порядках обмена благами и ценностями. Через восемнадцать лет после первого издания своей докторской диссертации он пишет об этом в предисловии ко второму [Дюркгейм, 1991: с. 5–35], деликатно умалчивая о фантастических построениях О.Конта времен “Системы позитивной политики”; ему не верилось в возможность построения благой жизни для всех.

Поскольку солидарность принадлежит к моральным явлениям (разделяемые всеми, многими или несколькими индивидами коллективные чувства), постольку она в большей или меньшей мере воплощена в других феноменах. Например, в праве и правилах нравственности она может быть опознана и познана [Дюркгейм, 1991: с. 65, 108, 146–151, 367–373], причем релевантность подобного институционального анализа сегодня не отрицается [Johnson et al., 2015]. Солидарность, вполне в духе предшественников, Э.Дюркгейм трактует как феномен интересубъективный — ориентация на другого, взаимодействие с другим на основе преобладания альтруистических мотивов над эгоистическими [Дюркгейм, 1991: с.187–189]. При этом нормы права являются инструментами контроля и санкций, без которых интеграция вряд ли возможна.

Солидарность, далее, чувствительна к угрозам установления ценностных, социальных или властных асимметрий, отвечая на них, по крайней мере на первых порах, собственной консолидацией. Кроме того, значимые, причиняющие страдания события в жизни обществ (аннексия части территории), оставляют глубокие следы в индивидуальной и коллективной памяти, генерируя плотно сплоченную органическую солидарность, в которую чужаки инкорпорируются с большими трудностями [Дюркгейм, 1991: с. 145]. В общем, у первого наиболее основательного истолкователя солидарности она и ценность, и коллективное сознание, и коллективные чувства (аффекты), и альтруистическое по преимуществу взаимодействие по обмену благами материального и идеального свойства (о становлении солидарности из обмена подарками см.: [Komter, 2005]). Она, кроме того, должна быть умеренной — чтобы в ходе конфликта не превращаться в чреватые насилием антагонистические солидарности “мы” и “они”.

Дюркгеймовской традиции полагать, что солидарность культивируется в группах, придерживается М.Хетчер в известной книге о принципах групповой солидарности [Hetcher, 1987]. В первых четырех главах рассматриваются теоретические положения, а с пятой по восьмую — солидарность в различных политических и экономических группах. По его мнению, социологи изучают солидарность в контексте трех перспектив: нормативной, функциональной и структурной, которые неудовлетворительны, тогда как теория рационального выбора предлагает лучшее решение проблемы солидарности [Hetcher, 1987: р. 20–39]. В коллективной монографии 1998 года под редакцией П.Дорейна и Т.Фараро [The Problem of Solidarity, 1998] солидарность анализируется в трех перспективах: рационального выбора, эмоциональных состояний и социальных сетей с использованием математических

моделей — в американских университетах обращение к ним имеет давнюю и непрерываемую традицию. Вскрости увидел свет специально посвященный анализу солидарности выпуск “The Journal of Mathematical Sociology”, который открывается предисловием публикаторов “Солидарность в социальных отношениях: направляемые теорией эмпирические исследования”. В нем солидарность определялась как вклад индивидом частных ресурсов в коллективную деятельность в рамках отношений взаимозависимости: отношения между членами домохозяйства, между бизнес-партнерами, неформальные отношения между родственниками и друзьями. Причем анализируются процессы возникновения и поддержания солидарности исключительно в диадах, в группах из двух человек [Raub et al., 2001: p. 325–328]. А уже в этом десятилетии в составе Американской социологической ассоциации создается секция “Альтруизм, мораль и социальная солидарность”.

Социальная, политическая, моральная философии остаются надежным источником вдохновения для непрерывно предпринимаемых попыток очередного выделения типов солидарности. Х.Том идентифицирует два, называемая солидарным поведение, которое (а) представляет собой помощь, поддержку других индивидов или коллективов и (б) основывается на чувстве долга или ценностно укорененных обязательствах [Thome, 1999: p. 102]; уже цитировавшийся А.Вайлдит насчитывает 9 подобных признаков [Wildt, 1999: p. 217–219]; Дж.Дин, часто цитируемая, различает три вида солидарности: аффективную, возникающую из моральных обязательств перед эмоционально близкими людьми, конвенциональную, основанную на интересах, рефлексивную, со взаимными ожиданиями относительно ответственного отношения во взаимных отношениях — “солидарность незнакомых” [Dean, 1996: ch. 1]; Л.Чулнараки достаточно трех парадигм солидарности для рассмотрения новых форм гуманизма, продуцируемых современной культурой — “сострадание”, “ирония”, “состязание” [Chouliaraki, 2011]; Я.Капеллер и Ф.Волькенштайн ищут новые обоснования солидарности в переходе от свободы к лояльности [Kapeller, 2011]; Дж.Александр называет солидарность символической универсальной связью между людьми по горизонтали [Alexander, 2007: p. 25].

Терминологическая разногласия отнюдь не знак требующей вмешательства неупорядоченности. Даже из беглого обзора становится понятно, что конститутивные значения задаются (а) принятым явно или латентно в качестве исходного теоретическим контекстом (концепции, парадигмы); (б) свойствами объекта наблюдения (события, ситуации, поведение в определенной среде); методами анализа фактов и данных. Оттого плюральность солидарностей — не патология, а норма, релевантность же ее размерности имеет смысл обсуждать применительно к каждому конкретному методологическому, методическому и фактологическому корпусу исследования. Кроме того, классики социологии полагали, будто солидарность как состояние и взаимодействие способна распространяться в пространстве и во времени.

У О.Конта, в марксизме, у Э.Дюркгейма солидарность является тем, что востребовано, но обнаруживается только локально, в отдельных сегментах пространства совместной жизни; она есть фрагментами и ситуативно, но она должна быть повсеместно, если не сейчас, то завтра. Повелительность, идущая из будущего, представлена в одном из важнейших современных европей-

ских документов — в Хартии Европейского Союза об основных правах. Среди шести “всеобщих и нераздельных ценностей” под номером четыре фигурирует солидарность, и 12 статей объясняют условия, при которых солидарность считается воплощенной. И в таком высоком смысле — она ценность и цель, некая эвентуальность, а не актуальное состояние, идеальное основание наших действий, то, что в неизбежном дефиците, то, кем и чем европейцы хотят быть поверх национальных особенностей, но пока не таковы.

В репрезентативных массовых опросах, особенно сравнительных, анкеты содержат вопросы, позволяющие измерять attitudes солидарности [Kankaraš, 2009], учитывать влияние культурного разнообразия стран и постматериалистических ценностей на социальную солидарность [Janmaat, 2009], выяснять, как сказывается и сказывается ли вообще на солидарности эгалитарный контекст [Paskov, 2015], а также обнаруживать отличия в отношении к оказанию помощи другим (альтруистическое действие) между странами-членами Европейского Союза на данных сравнительного исследования “Европейская социальная реальность” (“European Social Reality”, двадцать семь государств-членов ЕС) [Saari, 2014: p. 238–271]. Помощь другим интерпретировалась, во-первых, как сфера жизни наряду с работой, семьей, друзьями, досугом, политикой, религией и здоровьем. Респондентам было предложено оценить важность каждого аспекта по четырехбалльной шкале — от “очень важно” до “совсем не важно”. Во-вторых, в контексте других общественных проблем. Так, участникам опроса предлагалось выбрать из списка, содержащего девятнадцать пунктов, включая стоимость жизни, безработицу, иммиграцию, проблемы окружающей среды, те пункты, которые беспокоят их в наибольшей степени. Исследователи изучали взаимосвязь между отношением к помощи другим и такими факторами, как конкуренция в обществе, участие граждан в различных организациях (в том числе благотворительных), чувство общности (communality) — взаимопомощь между людьми, которые знают друг друга, но не являются родственниками (коллеги, друзья, соседи). Авторы приходят к заключению, “людям необходим определенный уровень ресурсов, чтобы позволить себе солидарность” [Saari, 2014: с. 264], то есть общество должно достичь определенного уровня жизни перед тем, как помощь другим станет приоритетом [Saari, 2014].

В общем солидарности устанавливаются по схожести ответов респондентов в проектах, специально не претендующих на выяснение меры сплоченности обществ. Подобные вопросы имеются в мониторинге Института социологии, и первые, наверное, публикации с построением моделей социальной солидарности и ее динамики принадлежат В.Тихоновичу [Тихонович, 1999] и М.Парашевину [Парашевин, 2004]. В 2009 году К.Урсуленко разработала и апробировала методику измерения социальной солидарности в Украине, которая предполагает конструирование трех индексов [Урсуленко, 2009]. Первый — для измерения структурной стороны социальной солидарности — индекс “включенности”, позволяющий судить о степени вовлеченности в сети социальных связей и самоидентификации. Индекс рассчитывается как среднее значение ответов на вопросы как о межличностных отношениях с родственниками, друзьями, так и об участии в различных сферах общественной жизни (всего 15 вопросов, к примеру: “Оцените, пожалуйста, насколько важным лично для Вас является участие в политической жизни страны, решении семейных проблем и т.д.”; “Кем Вы себя пре-

жде всего считаете (жителем села/города, гражданином Украины, представителем нации?”).

Второй и третий индексы конструируются для измерения нормативной стороны социальной солидарности — индексы “однородности”, цель которых определить степень схожести людей в своих мнениях и взглядах, касающихся актуальных проблем общественного развития. Для этого использовались вопросы о согласии респондентов со следующими утверждениями: “Большинство моих знакомых разделяют мои взгляды на жизнь”; “Я очень часто нахожусь в ситуации конкуренции”; “Я часто ощущаю, что не понимаю поступков других людей”; “Я часто не знаю, как поступить правильно”; “В нашем обществе не хватает прочных традиций”; “В нашем обществе не хватает контроля над соблюдением законов”. Также использовались вопросы о политических и экономических ценностных ориентациях: “На сегодня Украине в первую очередь необходимо расширять связи в рамках СНГ и развивать отношения с Россией”; “Необходимо устанавливать связи в первую очередь с развитыми странами Запада”; “Сегодня Украине необходимо опираться прежде всего на собственные ресурсы, укрепляя независимость”; и дополнительно — вопросы о вероисповедании, языке и национальности. Первый индекс “однородности” конструируется как среднее значение индексов качественной вариации по каждому из признаков, К.Урсулenco рекомендует использовать его для определения общего уровня солидарности общества.

Второй индекс “однородности” вычисляется как среднее значение отклонений от среднего для каждого респондента по каждому вопросу, он предназначен характеризовать как каждого индивида, так и все общество и удобен для изучения связей между нормативным аспектом социальной солидарности и другими концептами. Теоретическая схема, примененная К.Урсулenco при разработке методики, проверялась с помощью метода моделей линейных структурных уравнений. Удалось подтвердить, что модель, которая воспроизводит связи между структурным аспектом социальной солидарности, нормативным измерением социальной солидарности, оценками удовлетворенности жизнью, уровнем солидарности общества и доверием, соответствует собранным данным.

Эмпирическая база, метод, полученные результаты

Пестрота определений и наименований того, что идентифицируют как солидарность, обусловлена различиями в принимаемых за основу философско-социологических теориях и концепциях. Ее не преодолеть никакими усилиями обобщения, но она открывает широкие возможности обосновывать правомерность и корректность конструирования солидарностей на данных массового опроса, в которых “солидарность” — не более чем схожие ответы респондентов на вопросы анкеты. Проблемой остается селекция вопросов, релевантных для целей исследования, а также выбор метода построения взаимно отличающихся ансамблей ответов.

Представленный выше обзор обозначил ряд существенно важных для тематики солидарности общих сюжетов, позволяющих находить концептуально удовлетворительный схематизм конструирования, а также именовать и интерпретировать агрегированную эмпирическую информацию. Прежде

всего, время является лейтмотивом социологических рассуждений о солидарности. О.Конт настаивал на значении исторической памяти, марксизм и Э.Дюркгейм акцентировали внимание на будущем, количественные исследования сосредоточены на настоящем. Критическая социология настаивает на значении конфликта (борьбы) для формирования солидарностей, а события в Украине зимой 2013–2014 годов и война на востоке страны стали теми чрезвычайными событиями, которые перевели многочисленные категории граждан и общество в целом в экстраординарное состояние.

Иначе говоря, исключительность происходящего, для кого-то катастрофическая, для кого-то в меньшей степени, отменяет прежний порядок и повседневный ход вещей, актуализируя индивидуальную и групповую потребность хотя бы в первом приближении идентифицировать ситуацию. Жестокость, боль и унижение, неизменно сопутствующие войне, заметно ослабляют, если не отменяют вовсе, уместность апелляции к универсальному и общечеловеческому, оставляя ее в удел не утратившему вкус к рефлексии меньшинству. Они же принуждают отдельных личностей и общности локализовать себя во времени, солидаризуясь с тем, что было (“наше былое”), и с тем, что будет (“наше грядущее”), но также в пространстве, реагируя на пришедшие внезапно в движение географические или государственные границы, а может настаивая на их непременном передвижении ввиду невозможности или невыносимости сосуществования. Экстраординарность, безусловно, возбуждает “мы-интенции”, повышает чувствительность к таким проблематизациям совместной жизни, как “кто мы были и есть?”, “чего заслуживаем?”, “кем и с кем хотим быть?”. Она и “раскрывает” солидарности, которые прежде предъявляли себя в виде дифференцированных ценностных, политических, культурных пристрастий и предпочтений, и формирует их, предельно разводя (как герметичные “мы” и “они”), рекомбинируя и всегда сплывающая в более или менее закрытые образования на основе сближения с приемлемым и отвержения неподходящего.

В фокусе внимания и оценивания граждан оказались и случившееся в Киеве и в восточных областях Украины, и история, и то, с кем стране вступать в союзнические отношения и от кого дистанцироваться в ближайшие годы. События и люди прошлого, события настоящего и будущего оцениваются индивидами, эмоционально переживаются. Они действуют — заинтересованно или альтруистически — согласно выносимым оценкам и аффективным состояниям. Необыкновенные состояния затрагивают большинство, здесь проигравших и потерявших больше, чем победивших и что-то обретших; не так много остается тех, кого они не касаются, тех, кто ни при чем (“нипричемши” — новое слово в интернете) и безучастен. Но тогда в ситуации анкетирования вопросы и альтернативы ответов представляют собой приглашение респонденту стать сопричастным к историческим персонажам и событиям и избрать привлекательное будущее — приглашение оставаться в пределах институциональной и политической истории, там, где он и находится в силу складывающихся обстоятельств. Обобщив реакции, социолог получает “солидарности незнакомых”, мнение “таких людей, как я” (коллективные представления), но также плюральные согласия относительно того, каковы вещи, люди, их поступки “на самом деле”. Правило тут простое и восходит к классическому бихевиоризму: если удастся зафиксировать некое множество солидарностей, то вербальное поведение (ответы в

анкете) является достоверным симптомом дифференцированных ментальных и аффективных состояний в обществе.

Данные мониторингового обследования Института социологии НАН Украины 2015 года ($N = 1802$, репрезентация по полу, возрасту и типам поселений для подконтрольных Украине территорий по состоянию на середину года) содержат оценки и взгляды респондентов относительно прошлого, настоящего и будущего страны. Анкета включала следующие вопросы о прошлом: “Какие из ниже перечисленных исторических событий Вы оцениваете наиболее позитивно/ негативно в истории Украины?”; “Кого из перечисленных ниже исторических деятелей Вы оцениваете наиболее позитивно/ негативно?”. О настоящем: “Как Вы считаете, что сегодня происходит в Украине?”; “Как бы Вы оценили людей, которые находятся сейчас при власти?”; “Как бы Вы охарактеризовали массовые протесты в Киеве и регионах в декабре 2013 — феврале 2014 годов?”; “Чувствуете ли Вы лично себя в “выигрыше” или в “проигрыше” от смены власти в 2014 году?”. Также были включены вопросы о добровольной (альтруистической) помощи другим: “Ответной реакцией на вооружённый конфликт на Востоке Украины стали инициативы граждан. Что из перечисленного ниже Вы и члены Вашей семьи делали в течение последних 12 месяцев?”; “Если Вы и члены Вашей семьи на протяжении последних 12 месяцев приобщались к таким действиям, то каких категорий населения они касались?”. О будущем: “Какие чувства у Вас преобладают, когда Вы думаете о будущем Украины?” (эмоциональные состояния); “Какой из сценариев решения конфликта на Востоке Украины Вы готовы принять?”; “Какой из вариантов государственно-территориального устройства Вы поддерживаете?”; “Как Вы относитесь к идее присоединения Украины к союзу России и Беларуси / вступлению Украины в Таможенный союз / Евразийский Союз / Европейский Союз / НАТО / сотрудничеству Украины с Международным Валютным Фондом?”.

Варианты ответов представляют собой категориальные переменные и потому для выявления констелляций схожих ответов (“солидарностей”) использован метод анализа соответствий (correspondence analysis), используемый в работе именно с такими данными. Конечным результатом оказывается двумерная (горизонталь и вертикаль) карта с четырьмя квадратами, которые уместно трактовать в качестве эмпирических типов солидарности, получаемых с помощью используемого метода. Задача в данном случае не в том, чтобы обнаружить степень сплоченности общества (есть сомнения в том, корректна ли формулировка подобной задачи), но в попытке выявить полюса и наглядно продемонстрировать, какие мнения, чувства, действия образуют смешанные, иногда внутренне противоречивые солидарности. Иначе говоря, тут не обойтись без привлечения к интерпретации дуальных констатаций: ригидное — пластичное, однородное — смешанное, противоположный — сходный.

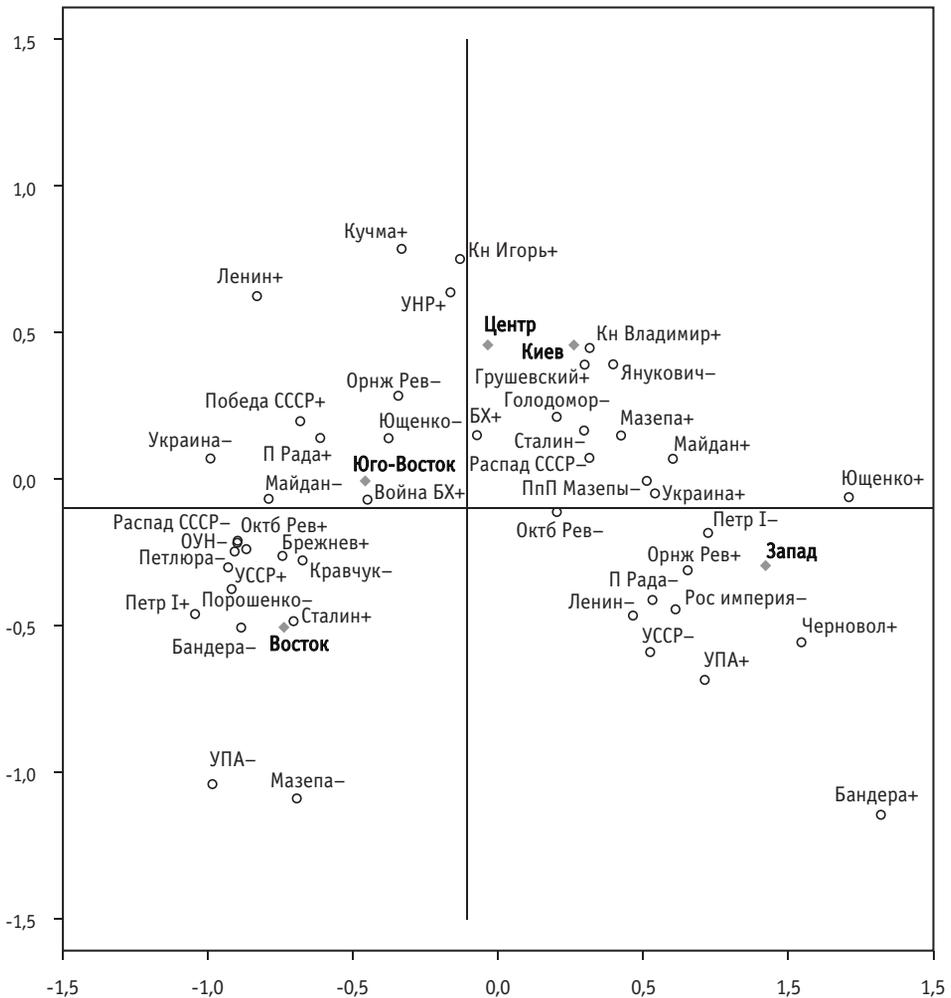
Разные структурные факторы привлекаются для объяснения различий в оценках, аффективных состояниях, предпочтениях и действиях. В исследовании тестировались три независимых переменных: престиж профессий, возраст и регион. Вследствие небольшого размера выборки и разведывательного характера исследования области сгруппированы в пять регионов: Восток (Донецкая, Луганская, Харьковская); Запад (Волинская, Закарпатская, Ивано-Франковская, Львовская, Ривненская, Тернопольская, Черно-

вицкая); Киев; Юго-Восток (Днепропетровская, Запорожская, Николаевская, Одесская, Херсонская); Центр (Винницкая, Житомирская, Киевская, Кировоградская, Полтавская, Сумская, Хмельницкая, Черкасская, Черниговская). Результаты предварительного анализа свидетельствовали о том, что вклад точек, репрезентирующих престиж профессий и возрастные группы, оказался не значимым в сравнении с вкладом точек, репрезентирующих регион проживания. Они, разумеется, не были неожиданными. Региональная дифференциация Украины в ценностях, установках, лингво-этническом составе, культурных практиках, социальной структуре населения, размещающаяся едва ли не в точности по линии “восток — запад”, хорошо социологически отслежена и описана социологами Киева и практически всех областных центров. Промежуточное положение Украины между Россией и Европой (фатальная география по определению М.Грушевского), годы пребывания частей страны в составе других государств и культур, а также многое другое обуславливало соответствующие ориентации ментальных карт — утверждение, давно ставшее азбучной истиной.

В процессе отбора переменных, руководствуясь принципом лаконичности, пункты, отмеченные менее чем 1% опрошенных, исключались. Далее анализировались связи между оценками респондентов и регионом проживания при помощи критерия независимости χ^2 и коэффициента V Крамера (мера ассоциации между значениями двух категориальных переменных варьирует от 0 до 1). В итоге из 78 переменных, относящихся к прошлому, отобрано 46, для которых различия оказались статистически достоверными ($p < 0,05$), из 43 переменных, относящихся к настоящему, осталось 29, а из 26, относящихся к будущему, — 21. Концентрация точек вокруг региона указывает на то, что там респонденты статистически значимо чаще отвечали подобным образом.

На рисунке 1 представлены образцы взаимосвязи между регионом проживания и оценками исторических событий и деятелей. Процент объясненной инерции составляет 89,2%, что является хорошим показателем качества. Значение общей инерции, равное 0,16, является относительно высоким и указывает на существенные различия между регионами. Наибольшим оказалось отличие в позитивной оценке В.Януковича ($\chi^2 = 117,998$, $p < 0,000$, V Крамера = 0,256, $p < 0,000$): 69,9% тех, кто дает такую оценку, проживает в Восточном регионе, меньше в Юго-Восточном регионе — 25,0%; в Центре — 3,6%; в Киеве — 1,8%; в Западном регионе нет ответивших таким образом. Поскольку данная точка представляла собой выброс и приводила к тому, что остальные точки скапливались в центре карты, она исключена из анализа. Между тем отрицательная оценка распределена более равномерно в пространстве пяти независимых переменных и сохранена в анализе.

Важнейшими для интерпретации горизонтальной оси, которая фиксирует наибольшую долю инерции (78,2%), являются положительные оценки С.Бандеры, В.Черновола, негативные оценки распада СССР в 1991 году, Майдана 2013–2014 годов, положительная оценка победы СССР и стран антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне 1939–1945 годов (весь список размещен в таблице). Для остальных точек значение коэффициента V Крамера указывает на их умеренную связь с регионом проживания.

Список условных обозначений:

<p>Война БХ — Война Б.Хмельницкого
 П Рада — Переяславская Рада
 ПпП Мазепы — Поражение Мазепы под Полтавой
 Рос империя — Провозглашение Российской империи
 Октяб Рев — Октябрьская революция
 УНР — Провозглашение УНР
 УССР — Создание УССР
 ОУН — Основание ОУН
 УПА — Создание УПА
 Голодомор — Голодомор
 Победа СССР — Победа СССР во Второй мировой войне
 Распад СССР — Распад СССР
 Украина — Провозглашение независимости Украины
 Оранжев Рев — Оранжевая революция
 Майдан — Майдан
 Кн Игорь — Князь Игорь (Рюрикович)</p> | <p>Кн Владимир — Князь Владимир
 БХ — Б.Хмельницкий
 Мазепа — И.Мазепа
 Петр I — Петр I
 Грушевский — М.Грушевский
 Петлюра — С.Петлюра
 Ленин — В.Ленин
 Бандера — С.Бандера
 Сталин — И.Сталин
 Брежнев — Л.Брежнев
 Кравчук — Л.Кравчук
 Черновол — В.Черновол
 Ющенко — В.Ющенко
 Янукович — В.Янукович
 Порошенко — П.Порошенко</p> |
|---|--|

Рис. 1. Карта соответствий между оценками исторических событий, деятелей и регионом проживания

Таблица

Сила связи между регионом проживания и оценками исторических событий, деятелей

Коэффициент V Крамера	Значение	Значимость
Степан Бандера +	0,344	0,000
Виктор Янукович –	0,301	0,000
Вячеслав Черновол +	0,297	0,000
Победа СССР во Второй мировой войне +	0,275	0,000
Майдан 2013–2014 годов –	0,270	0,000
Провозглашение независимости Украины в 1991 году +	0,267	0,000
Распад СССР в 1991 году –	0,261	0,000
Царь Петр I +	0,219	0,000
Петр Порошенко –	0,216	0,000
Степан Бандера –	0,207	0,000
Майдан 2013–2014 годов +	0,201	0,000
Леонид Брежнев +	0,171	0,000
Симон Петлюра –	0,160	0,000

Левая часть карты представлена положительными оценками событий и личностей, связанных с советским периодом и, частично, с российской историей, а также негативными оценками личностей и событий, приведших к разрыву отношений с Россией. В ней сосредоточены положительные оценки И.Сталина, Петра I, Л.Брежнева, В.Ленина и таких событий, как создание Украинской Советской Социалистической Республики в 1917 году в Харькове, Великая Октябрьская Социалистическая Революция, Национально-освободительная война под предводительством гетмана Богдана Хмельницкого, Переяславская Рада 1654 года, победа СССР и стран антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне 1939–1945 годов. Здесь же негативные оценки И.Мазепы, С.Бандеры, С.Петлюры, П.Порошенко, Л.Кравчука, В.Ющенко и таких событий, как создание Украинской повстанческой армии в 1942 году, распад СССР в 1991 году, основание организации украинских националистов в 1929 году, Майдан – 2013–2014 годов, провозглашение независимости Украины в 1991 году, Оранжевая революция 2004 года. Такие ответы чаще дают проживающие в Восточном, в меньшей степени, в Юго-Восточном регионе.

Правая часть карты представлена противоположными оценками. Ближе всего к правому полюсу находятся положительные оценки С.Бандеры, В.Черновола, В.Ющенко; подобным образом аттестованы создание Украинской повстанческой Армии и Оранжевая революция 2004 года. Негативно оценены В.Ленин, Петр I, Переяславская Рада, провозглашение Российской империи в 1721 году и создание Украинской Советской Социалистической Республики в 1917 году в Харькове. Чаще других таково мнение населения Западного региона. Дальше от полюса располагаются положительные оценки провозглашения независимости Украины в 1991 году, Майдана 2013–2014 годов, распада СССР в 1991 году, гетмана И.Мазепы, М.Грушевского,

князя Владимира. Тут, в Киеве и Центре, негативно воспринимаются Великая Октябрьская социалистическая революция, поражение И.Мазепы под Полтавой в 1709 году, голодомор 1932–1933 годов, И.Сталин и В.Янукович и наиболее высоко ценятся Б.Хмельницкий, князь Игорь (Рюрикович), Л.Кучма и провозглашение Украинской Народной Республики в 1917 году.

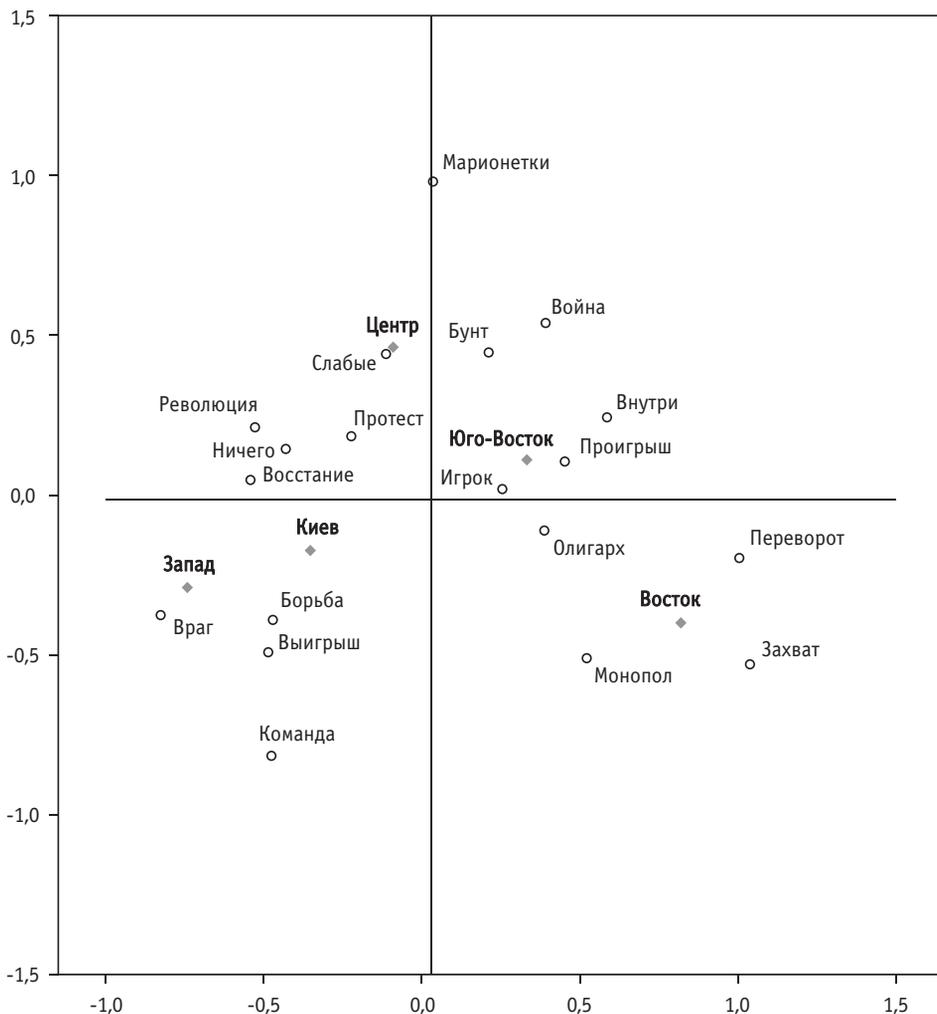
На карте соответствий между оценками настоящего и регионом проживания горизонтальная ось фиксирует 79,4% инерции, вертикальная ось — 11,3%, значение общей инерции равно 0,10 (рис. 2). Полюсами возможных типов солидарности являются оценка происходящего в Украине как борьбы с внешним врагом и, напротив, признание массовых протестов в Киеве и регионах в декабре 2013 — феврале 2014 годов незаконным захватом власти (горизонталь), а также признание или отрицание самостоятельности правящей коалиции (вертикаль). Вокруг них формируются противоположные солидарности, более или менее однородные.

Вблизи левого полюса концентрируются оценки событий в терминах борьбы с внешним врагом за независимость страны, народного восстания, революции, политического протеста. Здесь те, кто чувствует, будто выиграл от происходящего и признает достаточную компетентность высшего руководства страны (“хорошая команда”). Наиболее часто так считают респонденты на Западе, в Киеве и отчасти в Центре (определение событий как революции). Но в столице и Центре достаточно много тех, кто “не выиграл и не проиграл, ничего не изменилось”, полагающих, что при власти люди слабые, не умеющие распорядиться властью, что ими руководят извне, и они не более, чем марионетки. Тут пространство неоднородной, смешанной солидарности, а может быть, и двух противоположных солидарностей.

На противоположной части карты группируются контрастные определения событий и эмоционального состояния: незаконный захват власти, бунт и военный переворот, борьба среднего класса с людьми, монополизировавшими власть, борьба между олигархами, борьба внешнеполитических игроков на территории Украины, внутривластный конфликт, гражданская война и ощущение проигрыша от смены власти в 2014 году. Такие ответы характерны в большей степени для Восточного региона и в меньшей степени — Юго-Восточного, который все же ближе к Центру.

Гораздо меньшие различия обнаружены между регионами в том, что касается помощи другим (альтруистическое действие). На это указывает невысокое (0,05) значение общей инерции. Горизонтальная ось описывает 72,3% инерции, а вертикальная ось — 22,2% (рис. 3). Наиболее важной для интерпретации горизонтальной оси является точка, представляющая помощь вынужденным переселенцам с Востока Украины и Крыма, которая находится в левой части карты в противовес всем остальным и вблизи Восточного региона. Наиболее важными для интерпретации вертикальной оси являются точки, отображающие различия между теми, кто в качестве помощи выбирает добровольное выполнение работы на бесплатной основе (ближе к Киеву), и теми, кто перечисляет деньги (ближе к Юго-Востоку). В правой части карты сосредоточены точки, репрезентирующие такие виды помощи, как передача вещей, лекарств, продуктов питания и принятие участия в мероприятиях по сбору средств военным, семьям военных, больным, инвалидам, сиротам. Проживающие на Западе и в Центре чаще других сообщают об этом. В экстраординарных обстоятельствах альтруистическое дей-

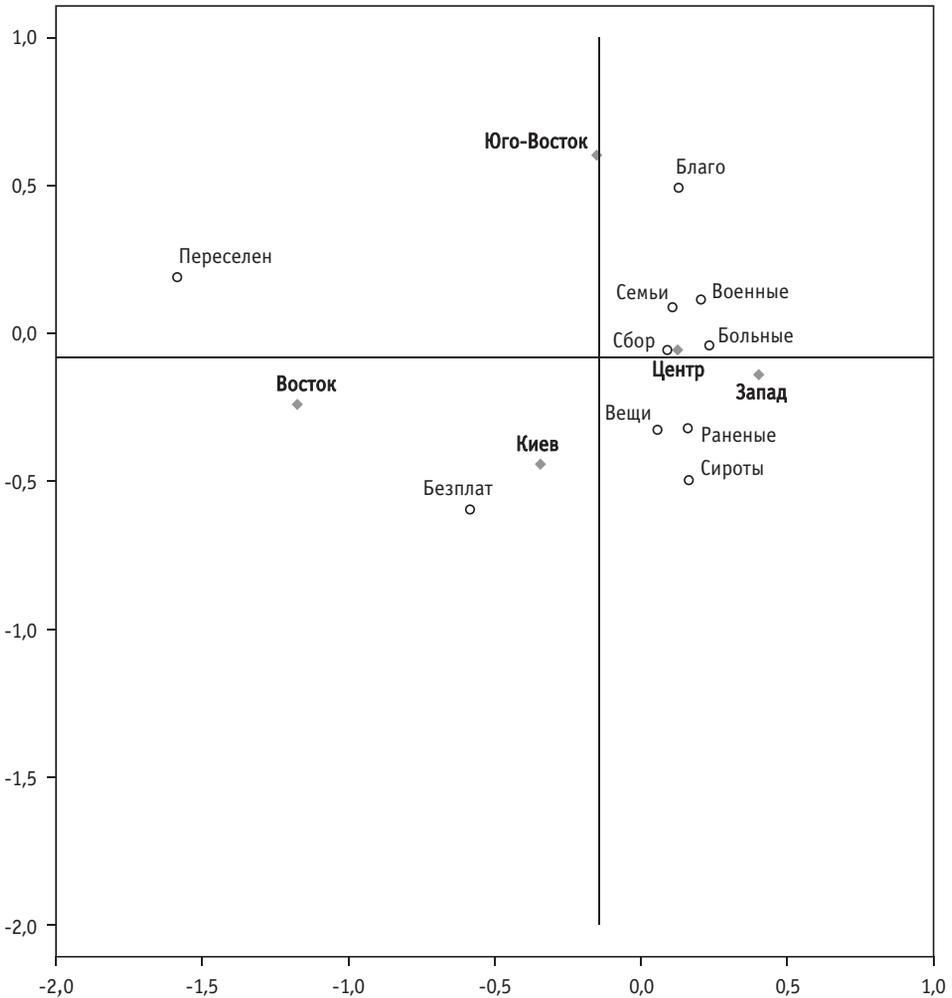
ствие, достаточно массовое, если поверить сообщению более половины респондентов о том, что они делали нечто подобное, концентрируется преимущественно на участниках конфликта и пострадавших от него.

Список условных обозначений:

Выигрыш — В выигрыше	Захват — Незаконный захват власти
Проигрыш — В проигрыше	Переворот — Военный переворот
Ничего — Ничего не изменилось	Борьба — Борьба за независимость
Слабые — Слабые люди	Война — Гражданская война
Команда — Хорошая команда	Внутри — Внутривнутриполитический конфликт
Марионетки — «Марионетки»	Игрок — Борьба внешнеполитических игроков
Восстание — Народное восстание	Враг — Борьба с внешним врагом
Революция — Революция	Олигарх — Борьба между олигархами
Протест — Политический протест	Монопол — Борьба с людьми, монополизировавшими власть
Бунт — Бунт	

Рис. 2. Карта соответствий между оценками настоящего и регионом проживания

Список условных обозначений:

- Благо — Перечисляли деньги в благотворительных целях
- Вещи — Передавали вещи, лекарства, продукты питания
- Сбор — Принимали участие в мероприятиях по сбору средств
- Безплат — Добровольно выполняли работу на безоплатной основе
- Военные — Военные
- Раненые — Раненые военные
- Семьи — Семьи военных
- Переселен — Вынужденные переселенцы с Востока Украины и Крыма
- Больные — Больные и инвалиды
- Сироты — Сироты

Рис. 3. Карта соответствий между практиками помощи и регионом проживания

Оценки будущего страны заметно разнятся по регионам. Об этом свидетельствует значение общей инерции (0,10) и доли объясненной инерции для горизонтальной оси в 82,9%, для вертикальной — в 9,1%. Один полюс формирует позитивное отношение к вступлению Украины в Таможенный

союз, к перспективе присоединения Украины к союзу России и Беларуси, к признанию ДНР и ЛНР. Второй — противоположное направление политической и экономической интеграции: позитивное отношение к вступлению Украины в Европейский Союз и НАТО, к продолжению боевых действий до возвращения под контроль всех территорий на Востоке Украины. Вертикальную ось репрезентируют альтернативные взгляды на наилучшее внутреннее государственно-территориальное устройство страны. Один состоит в том, что “Украина должна быть унитарной с расширенными полномочиями регионов” с присутствующими мотивами федерализации или же опции выхода из состава Украины, если за это проголосуют жители. Другой консервативный: “Украина должна быть унитарной с существующими полномочиями регионов” с параллельной радикальной установкой на отделение ДНР и ЛНР, продолжение боевых действий или на блокаду вплоть до приведения к лояльности и возвращения неподконтрольных пока территорий в состав Украины (рис. 4).

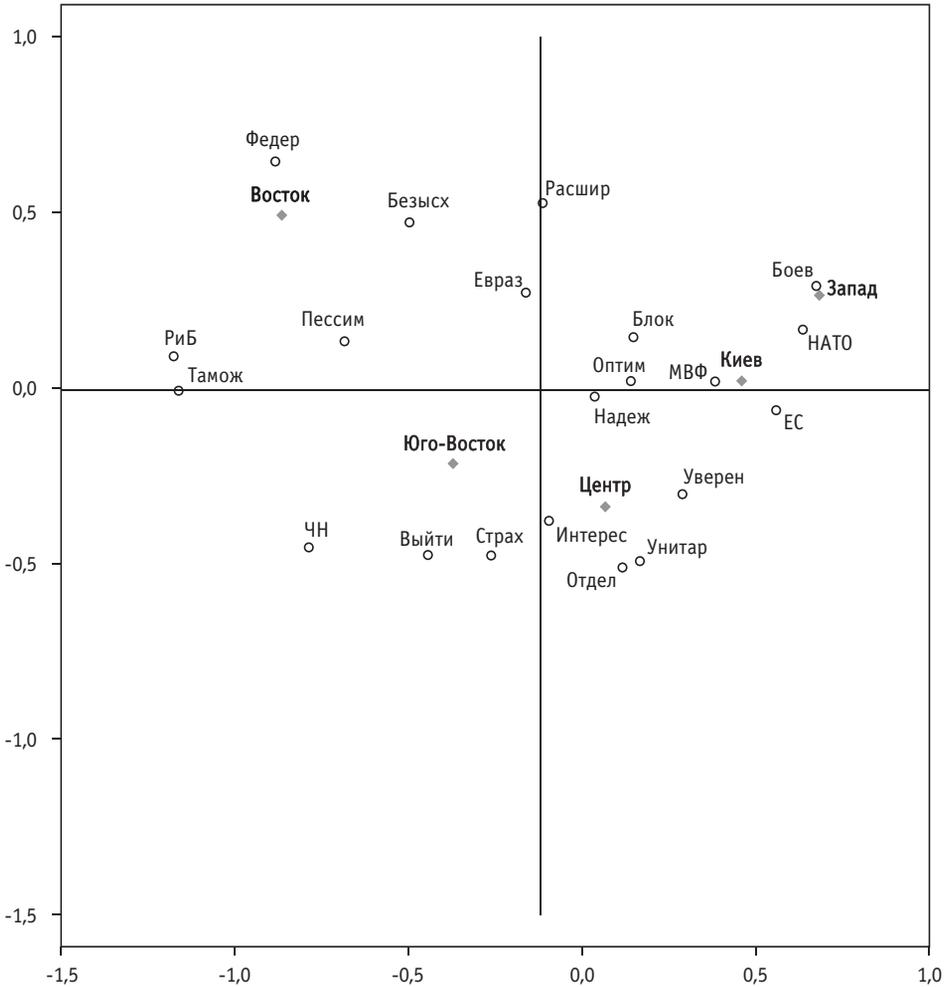
В левой части карты сосредоточены чувства страха, пессимизма и безысходности при мыслях о будущем Украины, чаще предьявляемые респондентами на Востоке и Юго-Востоке. Быть может, вследствие как пессимистической оценки степени осуществимости ориентированного на славянский союз геополитического проекта, так и ожидания исключительно негативных эффектов реализации прозападного. В правой части карты, домене Запада, Киева и Центра преобладают настроения уверенности, интереса, надежды и оптимизма.

Заключительные констатации

Социологическая традиция, современные разработки и проведенный анализ данных позволяют сделать следующие выводы:

- требование разграничивать глобальный, групповой и индивидуальный уровень анализа солидарности сохраняет значение. Возможности и ограничения концептуальных схем и методик исследований специфичны для каждого уровня;
- в чрезвычайных ситуациях, особенно сопровождаемых вооруженным противостоянием, в опросах (индивидуальный уровень) релевантным является подход, при котором конститутивными составляющими солидарности являются три временных измерения (прошлое, настоящее, будущее), экстраординарные, вероятные и желательные события, их оценки респондентами, аффективные состояния, действия в складывающихся обстоятельствах, в том числе альтруистические;
- в некоем идеальном случае солидарность представляет собой единство исторической памяти (пантеон почитаемых людей, событий и отвергаемых), способов воспринимать, объяснять события и откликаться на них эмоционально или действием, а также предпочитаемого будущего (какими и с кем мы хотим быть). Однако перспективы построения такой модели остаются проблематичными;
- как и предполагается теорией конфликта, в Украине происходит поляризация солидарностей вплоть до непримиримых “мы” и “они”. И тогда, в соответствии с предложением Р.Коллинза, в противовес отчасти спонтанным, отчасти инспирируемым стратегиям ре-эскала-

ции конфликта следует разрабатывать и противопоставлять им стратегии его деэскалации на институциональном, групповом и личностном уровне [Collins, 2012: p.15–18];

Список условных обозначений:

РНБ — Союз России и Беларуси	Интерес — Интерес
Тамож — Таможенный союз	Страх — Страх
Евраз — Евразийский союз	Унитар — Унитарная с существующими полномочиями регионов
ЕС — ЕС	Расшир — Унитарная с расширенными полномочиями регионов
НАТО — НАТО	Федер — Федеративное государство
МВФ — МВФ	Выйти — Отдельные регионы могут выйти из состава
Оптим — Оптимизм	Боев — Продолжение боевых действий
Безысх — Безысходность	Блок — Экономическая и территориальная блокада
Уверен — Уверенность	ЧН — Признать за ДНР и ЛНР право на частичную независимость
Пессим — Пессимизм	Отдел — Отделить ДНР и ЛНР
Надеж — Надежда	

Рис. 4. Карта соответствий между оценками будущего и регионом проживания

- солидарности жителей Востока и жителей Запада Украины противоположны, однородны и взаимно не конвертируемы; у населения Востока и Юго-Востока — схожи; респондентов Киева и Запада схожи в оценках прошлого и будущего, а Киева и Центра — в оценках настоящего; в оценке настоящего Юго-Восток — “между” Востоком и Центром;
- ориентация возможного политического действия по урегулированию конфликта в ситуации чрезвычайности предполагает надежно установленное дифференцированное представление о содержании множественных солидарностей и выверенную оценку возможности их коррекции;
- согласно каноническим представлениям конфликт солидарностей, подобно любому конфликту, проходит три стадии: взрыв, плато, угасание. Собственно военный конфликт в Украине перешел в стадию угасания. Но с солидарностями так быстро не получается. Самый динамичный элемент тут — эмоциональные состояния: после событий 2004-го за два следующих года высокие ожидания и доверие снизились до минимальных показателей, вернувшись к уровню 2003 года. Подобное происходит и теперь. Однако историческая память и желаемое будущее, как подтверждают многочисленные опросы, проведенные в последние два десятилетия, гораздо более ригидны. Инерция здесь поддерживается институционально (семья, система образования, телекоммуникационная среда), на групповом уровне (соседи, коллеги по работе, друзья), а также свежей памятью о пережитых бедах, тысячах погибших и миллионе беженцев в войне 2014–2015.

Источники

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Эмиль Дюркгейм. — М.: Наука, 1991. — 573 с.

Конт О. Общий обзор позитивизма / О. Конт; пер. с франц. И.А. Шапиро; под ред. Э.Л. Радлова. — 3-е изд. — М.: ЛИБРОКОМ, 2012. — 296 с. — (Из наследия мировой философской мысли: история философии).

Парашевін М. Соціальна солідарність в Українському суспільстві: тенденції змін / М. Парашевін // Українське суспільство 1994–2004. Моніторинг соціальних змін / за ред. В. Ворони, М. Шульги. — К.: Ін-т соціології НАН України, 2004. — С. 448–458.

Тихонович В. Проблема социальной солидарности в кризисном обществе / Всеволод Тихонович // Социология: теория, методы, маркетинг. — 1999. — № 2. — С. 54–69.

Урсуленко К. Методика измерения социальной солидарности в украинском обществе. Проверка теории с помощью метода моделей линейных структурных уравнений / Ксения Урсуленко // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2009а. — № 3. — С. 126–158.

Урсуленко К. Социальная солидарность: развитие понятия в истории социологии и современные интерпретации / Ксения Урсуленко // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2009б. — № 1. — С. 138–157.

Alexander J. The Meaningful Construction of Inequality and the Struggles Against It: A “Strong Program” Approach to How Social Boundaries Change / Jeffrey Alexander // Cultural Sociology. — 2007. — Vol. 1 (1). — P. 23–30.

Chouliaraki L. "Improper distance": Towards a critical account of solidarity as irony / Lilie Chouliaraki // *International Journal of Cultural Studies*. — 2011. — Vol. 14 (4), July. — P. 363–381.

Chouliaraki L. *The Ironic Spectator: Solidarity in the Age of Post-Humanitarianism* / Chouliaraki Lilie. — Cambridge, UK : Polity Press, 2013. — 238 p.

Collins R. C-Escalation and D-Escalation: A Theory of the Time-Dynamics of Conflict / Randall Collins // *American Sociological Review*. — 2012. — Vol. 77 (1). — P. 1–20.

Collins R. Modelling the Interaction Ritual Theory of Solidarity / Randall Collins, Robert Hanneman // *The Problem of Solidarity: Theories and Models* / ed. by Patrick Doreian, Thomas J. Fararo. — L. ; N.Y. : Routledge, 1998. — 414 p.

Comte A. *Système de Politique Positive, ou Traitè de Sociologie, Instituant la Religion l'Humanité [Ressource électronique]* / Auguste Comte. — Paris : L'auteur, Carilian-Goeurly, Dalmont, 1854. — Vol. 4. — Accès : <https://books.google.com.ua/books/>.

Dean J. *Solidarity of Strangers: Feminism after Identity Politics* / Dean Jodi. — Berkeley : University of California Press, 1996. — 221 p.

Dobrzanski D. *The Principle of Solidarity* / Dariusz Dobrzanski // *The idea of solidarity: philosophical and social contexts* / ed. by Dariusz Dobrzanski. — Washington : The Council for Research in Values and Philosophy, 2011. — 215 p.

Hechter M. *Principles of Group Solidarity* / Hechter Michael. — Berkeley ; Los Angeles : California University of California Press, 1987. — 219 p.

Honneth A. *Disrespect. A Normative Foundations of Critical Nheory* / Honneth Axel. — Cambridge : Polity Press, 2007. — 275 p.

Janmaat G.J. Diversity and Postmaterialism as Rival Perspectives in Accounting for Social Solidarity. Evidence from International Surveys / Jan Germen Janmaat, Robert Braun // *International Journal of Comparative Sociology*. — 2009. — Vol. 50, 1, Feb. — P. 39–68.

Johnson P. Legal Origin and Social Solidarity: The Continued Relevance of Durkheim to Comparative Institutional Analysis / Phil Johnson, Michael Brookes, Geoffrey Wood, Chris Brewster // *Sociology*. — 2015. — November 11.

Juul S. Solidarity and Social Cohesion in Late Modernity: A Question of Recognition, Justice and Judgement in Situation / Søren Juul // *European Journal of Social Theory*. — 2010. — № 13 (2), May. — P. 253–269.

Kankaraš M. Measurement Equivalence in Solidarity Attitudes in Europe. Insights from a Multiple-Group Latent-Class Factor Approach / Milosh Kankaraš, Guy Moors // *International Sociology*. — 2009. — Vol. 24(4), July. — P. 557–579.

Kapeller J. The grounds of solidarity. From liberty to loyalty / Kapeller, Fabio Wolkenstein // *European Journal of Social Theory*. — 2013. — № 16(4), Nov. — P. 476–491.

Komter E.A. *Social Solidarity and the Gift* / Aafke E. Komter. — Cambridge : Cambridge University Press, 2005. — P. 248.

Laitinen A. *Solidarity: Theory and Practice. An Introduction* / Arto Laitinen & Anne Birgitta Pessi // *Solidarity: Theory and Practice* / ed. by Arto Laitinen and Anna Birgitta Pessi. — Lanham : Lexington Books, 2014. — P. 1–29.

Mackert J. Reorganization and Stabilization: Social Mechanisms in Émile Durkheim's Professional Ethics and Civic Morals: A Contribution to the Explanation of Social Processes / Jürgen Mackert // *Journal of Classical Sociology*. — 2004. — Vol. 4 (3). — P. 311–335.

Malešević S. Where does group solidarity come from? Gellner and Ibn Khaldun revisited / Siniša Malešević // *Thesis Eleven*. — 2015. — Vol. 128(1), June. — P. 85–99.

Paskov M. Is solidarity less important and less functional in egalitarian contexts? / Marii Paskov // *Acta Sociologica*. — 2015. — October 9.

Pensky M. *The Ends of Solidarity: Discourse Theory in Ethics and Politics (Sunny Series in Contemporary Continental Philosophy)* / Max Pensky. — New York : State University of New York Press, 2008. — 260 p.

Pickering M. Auguste Comte. An intellectual biography / Pickering Mary. — Cambridge University Press, 1993–2009. — Vol. 1. — 1993. — 776 p.; Vol. 2. — 2009. — 638 p.; Vol. 3. — 2009. — 667 p.

Raub W. Solidarity in Social Relation: Theory-Guided Empirical Studies / Werner Raub, Chris Snijders, Jeroen Weesie // The Journal of Mathematical Sociology. — 2001. — № 25(4).

Rosati M. Ritual and the Sacred: A Neo-Durkheimian Analysis of Politics, Religion and the Self / Rosati Massimo. — Farnham : Ashgate Publishing Limited, 2009. — 198 p.

Saari J. National Social Models and Helping Others in the European Union / Juho Saari & Anne Birgitta Pessi // Solidarity: Theory and Practice / ed. by Arto Laitinen, Anna Birgitta Pessi. — Lanham : Lexington Books, 2014. — 36 p.

The Problem of Solidarity: Theories and Models / ed. by Patrick Doreian, Thomas J. Fararo. — L. ; N.Y. : Routledge, 1998. — 414 p.

Thijssen P. From mechanical to organic solidarity, and back. With Honneth beyond Durkheim / Peter Thijssen // European Journal of Social Theory. — 2012. — № 15(4), Nov. — P. 454–470.

Thome H. Solidarity: Theoretical Perspectives for Empirical Research / Helmut Thome // Solidarity. Philosophical Studies in Contemporary Culture / ed. by Kurt Bayertz. — Dordrecht : Kluwer Academic Publishers, 1999. — 351 p.

Wildt A. Solidarity: Its History and Contemporary Definition / Andreas Wildt // Solidarity. Philosophical Studies in Contemporary Culture / ed. by Kurt Bayertz. — Dordrecht : Kluwer Academic Publishers, 1999. — 351 p.